Виходитъ що пятницѣ во Львовѣ. Цѣна на рôкъ съ почтою 4 зр. 40 кр. ср. на мѣстци 4 злр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА

Предплата ôтбирае ся въ бюрѣ дѣрекции книгопичатной Института Ставропегіяньского.

ПИСЬМО ПОСВЯЩЕНЕ ЛИТЕРАТУРѢ И ЗАБАВѢ.

ЧИСЛО 1. Львôвъ, 1 Сѣчня 1856. РÔКЪ IX.

Всечеснî Народолюбцѣ и Соотечественники нашî!

Отъ нового року почала правильно выходити

Зоря Галицка.

БУДЕ ТО ДЕВЯТЫЙ РÔКЪ ЕЙ СУЩЕСТВОВАНЯ, ЗА ЯКЪ ПОЯВИЛА СЯ НА ГАЛИЦКÔМЪ НЕБОСКЛОНѢ.

Не много часописей въ роднмôй нашôй мовѣ появило ся было ôтъ часу удѣлу нашого на полю литератскôмъ, но и тîи ведля заходячихъ перепонъ, то со стороны матеріальнои, то про скудность удогодныхъ силъ, существовати перестали. Зоря Галицка перебула такожди не оденъ вже періодъ Були часы коли то она имѣла много участникôвъ помежи членами нашого малорусского народа, а були и такîи, же мовъ догаряюча лямпа, глипѣла ôтъ днины до днины. Причины во такому ей существованю были вельми, а якîи? по найбôльшôй части свѣдомо. Непощадима злосила жестокой хольеры минувшого року, потягла много жертвъ за собою: не многе сотрудниче общество имѣла Зоря Галицка, а и тое розвязати ся принужденне было.

Соотечественники! свѣдома намъ всѣмъ потрeбъ литератского органу, который переймалъ бы въ себе духовоумятный поступъ теперѣшныхъ времѣнъ, усовершалъ языкъ нашъ народный, и приспособлялъ образованымъ родимцямъ нашимъ случайность, помислы свои на пути многолѣтного досвѣдченя, просторонного опиту въ житю, во загальному свѣдѣню всѣхъ членôвъ народа подавати. Про тое веремо ся знову до дѣла, имѣючи за цѣль, завабляти соотечественникôвъ нашихъ то первотворными, то переведеными плодами на полю поезіи въ стихахъ и прозѣ, то и приймаючи надсилаемîи намъ

наȣковїи розправы, исторични̂ очерки, новїи приобрѣтенѧ въ газдôвствѣ; намѣщаючи также вѣсть о литератскихъ подвигахъ соплеменныхъ намъ побратимцѣвъ нашихъ.

Понеже дотеперѣшно много перепонъ, непорѧдкȣ що до розсылки заходило черезъ тое, же редакцїѧ Зори ôтдѣлена бȣла ôтъ накладателѧ, про тое совокȣпленьемъ редакцїи и накладȣ, всѣ тїи перепоны оуснени̂ бȣдȣтъ, а сȣществованье скрѣплене и забезпечене.

П. Господинъ М. Дзѣковскїй, зарѧдитель книгопечатнѣ Инститȣта Ставропѣгїѧнського, бере за трȣдъ на себе, о безперепонное сȣществованье той часописи, о неохибнȣ розсылкȣ старатись. Много оужалѧлось на непорѧдокъ въ експедицїи минȣвшого рокȣ. Господинъ Дзѣковскїй забезпечае со стороны своей неохибнȣ розсылкȣ кождомȣ ч. предплатителю.

Соотечественники! полагаючи въ довѣренности; же оучасть, ꙗкȣю вы литератскимъ подвигамъ нашимъ оказати благоволили, черезъ коротке времѧ перепонъ, ꙗкими сȣществованье Зори загрожене бȣло; же тамъ искренна оучасть ваша не ослабла: надѣемсѧ скрѣплѧючи всѣ наши̂ силы, достаточного числа предплатителей, и печаливой запомоги въ требȣемыхъ силахъ до осѧгненѧ намѣренѧ нашего. Бо, коли всѣ побратимцѣ наши̂ съ кождымъ рокомъ постȣпаютъ на передъ, малижъ бы мы лишь оставати сѧ на задѣ? Кождый нарôдъ довженъ оусовершати свôй ꙗзикъ, ꙗко неоцѣненый сокровъ, даный емȣ ôтъ Бога, до осѧгненѧ назначеной цѣли. Прыймѣтъ про тое оусилїѧ наши̂, запомагайте и скрѣплѧйте насъ! Просимъ всѣхъ соотечественникôвъ, о дописы ôтносѧщїєсѧ газдôвства; а всѣхъ любителей литератȣры, щобы насъ своими трȣдами засылѧти, а такъ недôстатокъ требȣемыхъ силъ застȣпити благоволили.

Просимо о ꙗкъ найскоршое ласкавое надôсланье предплатъ 4 р. с. 40 к. съ почтою, а 4 р. с. на мѣстци рочно, пôдъ Адресою:

Michael Dzikowski,

Vorsteher der Stauropigianischen Instituts-Buchdruckerei in Lemberg.

БЕЗБОЖНА ОРИНА.

На краснôмъ пшеничнôмъ подôлю,
Ранкомъ въ пораночнôй хвили,
Во святу неробочу недѣлю,
На службу божу звонили;
А перебувши тяжки зноѣ й труды
Идутъ до церкви подôльскіи люде

Мовъ ягнятъ череда велика —
Въ проводѣ душъ пастерика.

Пусто, тихо въ подôльскôй хижинѣ,
Пусто, забрали и дѣты;
Лишь одной Орины богатой ґаздинѣ

Немала где церковъ подѣти.
Лишъ одна Орина богата вдовиця
На все подôлье славна чарôвниця,
Въ недѣлю выйшла изъ хаты,
Травы коровѣ нажати.

Иде подôльсковъ плôдновъ цариною,
Тамъ до зеленой муравы;
Иде, а пôдъ грѣшновъ еи ногою
Вянутъ зеленіи травы.
Правитъ ся въ церквѣ Божая хвала,
Вдовиця серпомъ жати почала —
Засумовала ся нива,
Ôтъ такъ безсумлѣнного жнива.

Упалъ спохиленый крестъ на мураву
Утялась серпомъ Орина,
Со страхомъ смотритъ на руку кроваву
Страшна ей стала провина!
Стоитъ надъ нею якійсь дѣдъ горбатый
Мовъ Николай сивый, старый бородатый,
О костуръ кривый опертый,
Грôзьба смотритъ зъ его чертій.

„Невѣсто грѣшна непокаяна!
„Чи ты нечула днесь звонôвъ?
„Цѣла громада у церквѣ собрана,
„А ты посередъ загонôвъ?
„Бачъ! якъ за хмаровъ соньце стемнѣло
„Якъ чорне, лукаве, лихе твое дѣло,
„И божимъ гнѣвомъ прокляте —
„Якужъ ти кару задати?

„Теперъ по твоей лукавôй заслузѣ
„Хибабъ, лишила тя сила;
„Хибабъ лижалась сêмъ лѣтъ у недузѣ
„И живцемъ въ недузѣ згнила!
„Жилаешъ щобы служила ти сила
„Сêмъ лѣтъ бысь двое дѣтій кормила,
„И носила соромъ на твари —
„Кажи! котрои хочъ" кары?

Смотритъ на дѣда грѣшна вдовиця,
И паде на грѣшнӣ колѣна,
Зайшла слезою еи зѣниця,
Тѣшитъ ю кары замѣна.
Сêмъ лѣтъ нехоче болѣвъ терпѣти;
Сêмъ лѣтъ пликати питомӣ дѣты
Грудьми, прыймила ся швидко; —
Смотритъ, а дѣда невидко.

Невстигла пôднестись, въ около позрѣти
Со страху мажей неомлѣла, —
Начали ссати огидніи дѣты,
Поверхъ обвили ся тѣла. —
Теперъ узнала свою провину
Молила Бога каялась чину,
И клялась на все въ природѣ,
Но ихъ позбути ся годѣ!

Домôвъ вертаютъ по службѣ божôй,
Зъ церкви подôльскіи люде,
Два сыны довгӣ якъ два вельможѣ,
Несе Орина при груди.
Встидно ей право вертати до дому
И показатись нехоче нѣкому:
Страхайтись невѣсты и мужѣ! —
Два чорнӣ пликае днесь вужѣ!

Е. Згарскій.

КАРТАРЪ

образецъ зъ житя городскаго

I.

Во̂ Львовѣ, на однôй части мѣста, що то ю звȣтъ „Choraszczyzna", стоитъ невеликїй мȣрованый домокъ, мажей пôдъ самовъ цитаделевъ; малый немалый, отъ такъ на оденъ поверхъ, зверха не харапȣтный, во и Бôгъ знае ôтколи непобѣленый. Алежъ не все золото що сїяе! а кто знае, якїй гараздъ въ такôмъ домкȣ,

та чи не лȣчшій, нѣжъ въ изкȣсныхъ сіятельныхъ палатахъ?! Вжежъ най томȣ бȣде, ꙗкъ си зохоче! досить домокъ непобѣленый, вапно где кȣда пооблѣтало, що и глины видко, ôконницѣ то на пôлъ отвертѣ, то со всемъ на вѣчнȣю пôтьмȣ запертѣ, заперечали свѣтлȣ приступъ, ꙗкъ бы щось тамъ въ серединѣ вело сѧ, що предъ сонцемъ лица оказати встидаесь. Пôлъ бѣды! пôлъ лиха! домокъ той оперезаный мовъ ꙗка крѣпость заборломъ (парканомъ), операючимъ до обохъ боковъ; о стѣнȣ выходѧщȣ на мѣсто, простерае сѧ весною и лѣтомъ зелена мȣрава; но отворивши дверцѣ и вступивши на обійстье, тожъ цѣле мовъ где ꙗкій крамъ завѣшене шматьемъ, на порозпинаныхъ, посторонкахъ. Идучи разъ по при него, звернȣлъ прибачнôсть мою на себе, а спросивши до кого принадлежалъ бы, ôтповѣли менѣ, же до ꙗкоись тамъ повдовѣлой старовины.

Въ оденъ часъ, а дѣѧло сѧ тое на початкȣ весны 18.. рокȣ, домȣвали въ тôмъ дôмкȣ на долинѣ два паничѣ, що то ихъ зовȣтъ кавальерами, а по нашемȣ хабалѧми. Вступивши до сѣній, надибаешъ по правôй сторонѣ односкладнѣ дверѣ, а ôтхиливши, окажесь очамъ твоимъ на самъ передъ одна, а потомъ и дрȣга свѣтлица. Обѣ свѣтлицѣ передѣленѣ одна ôтъ дрȣгои стѣною; лишъ не обвѧженый дверми протворъ, впȣскалъ зъодной до дрȣгои.

Въ первôй свѣтлици стоѧлъ опертый о стѣнȣ столикъ, припираючій однымъ бокомъ до постелѣ, при постели два стôльцѣ, конецъ постелѣ скринчина, на супротôвъ жертка на одѣжъ; лишъ недȣже нею обременена, бо заледви оденъ поверхный сȣрдȣтъ, парȣ штанятъ и ꙗкась тамъ не тогдашна плащина, держали сѧ кôлка оу жертки, маючи ꙗкъ видко послабѣ таланта до гебраичнои наȣки въ рȣкахъ жидôвскихъ.

На столикȣ лижали порозкидȣванѣ книжки; зъ помежи ныхъ визералъ недогарокъ свѣчки, а на поверхни лежало ꙗкесь розпростерте письмо, мабȣдь листъ, но зъ ôткôль и до кого, о тôмъ довѣдаете сѧ пôзнѣйше.

Бȣло то надъ ранкомъ отъ такъ передъ семовъ годиновъ. Корнелій Терехтарскій, депендентъ оу одного адвоката, сапѣлъ ще мовъ мѣшокъ, ꙗкъ зъ дрȣгои свѣтлицѣ вышолъ стихонька ꙗкійсь сȣхарлявый, не помолодый, но доспѣлый человѣкъ. Бȣлъ то Господинъ Стȣльскій сообитатель Корнелього, а що за оденъ? — Бôгъ знае! щось нѣбы писаръ и не писаръ, панъ, и не панъ: отъ що кто ꙗкъ захотѣлъ, за такого ôнъ и оудалъ сѧ.

Бȣлъ то человѣкъ високого зростȣ, хȣдый мовъ оскалокъ, вздовжковатои твары, темнорȣсявого волосѧ, широкого, а низького чела, довгого каблȣчковатого носа Шерсткіи не передѣленіи бровы повисли емȣ надъ вѣками, а зъ пôдъ ныхъ визирали лестно прошибаючимъ глипомъ пѣвніи очи. Истинный сынъ девѧтнайцѧтого вѣка! Споглѧнȣвши разъ на него, вповѣлъ бысь, же человѣкъ той лихомъ пôдшитый, та и на лисовȣ скôрȣ подабае; и не охибилъ бысь! – Не добромъ оуложенѣ бȣли черты лицѧ его, бо мовъ лиха где ꙗка пошесть визирала зъ поза ныхъ дȣша нечиста. Затѧгнȣлъ пасковатѣ шаравары, що мажей со всемъ до костей прилипали, на ногахъ черевики съ перебакереными обцасами, а хребетъ покривала сȣрдȣтина по колѣна, та и не знати чи малъ ꙗкȣ тамъ камѣзелькȣ. На шіи завѧзалъ хȣсткȣ ꙗкъ

бы не своими рȣками, а щобы надȣ̂бнѣйшой набралъ ознаки, не ймаласѧ бритовъ нѣ бороды нѣ оусȣ̂въ. На такого подабалъ Стȣльскій, а до кого по ȏтцю и матери оудалъ сѧ? нѣтъ вѣсти!. досить же бȣлъ человѣкомъ . . . Втиснȣвши крисатый, рȣдый, а низькій капелюхъ мажей ажъ на самїи бровы, пристȣпилъ на пальцахъ до столика, взялъ за розпростерте письмо, перейшолъ скоро очима, и сотоньскій смѣхъ заигралъ на его оустахъ. Корнелій сапѣлъ, щобы и колокъ емȣ въ головахъ мȏгъ затесати.

Пересмотрѣвши листъ, кепковато споглѧнȣлъ первый на спѧщаго, поклалъ письмо на свое мѣстце, и вышолъ заперши зъ тиха дверѣ за собою. Небавко, а надойшолъ Ѩцентый сторожъ, въ омащеной кожȣшинѣ. Панъ Корнелій спалъ ще мажей чи не годинȣ.

Бȣлъ то паничикъ богатыхъ родичей, легкодȣшный, похȏтный, дȏстакшись на свою волю, хапалъ сѧ и стȣденого и горѧчого, а чого разъ допалъ сѧ, и набралъ ѩкоись тамъ оунороблѧючои присмаки, то вжежъ не покинȣлъ сѧ, хоть бы и саме пекло отверлось емȣ передъ очима. При тȏмъ небȣлъ ȏнъ морально такъ сопсованый, щобы чȣвство чести, и енчѝ сроднѝ томȣ чȣвствȣ благороднѝ чȣвства, затеръ, приголомшилъ въ собѣ. Безъ досвѣдчена, докладнѣйшого опитȣ въ закрȣтинахъ теперѣшного житѧ городского, и не вправленый въ розрȏжненю такъ многобарвныхъ образцѣвъ, въ ѩкихъ то житю обвалѧти сѧ подабае: пȣскалъ сѧ ȏнъ ѩкъ молодый лебедь въ плавъ на шȣмѧчїи волны бȣрливои воды, безъ розгладȣ, съ жаждою всюгди стрѣковати молодыхъ силъ, престрастнымъ жаромъ пȏджегаючихъ молодого дȣха. И не дивъ! же коли ȏнъ незналъ зашити кешенѣ, Стȣльскій и дрȣгїи збирали розсипаючїи сѧ паперцѣ.

— Ей Ѩцентїй! а котра тамъ на свѣтѣ година? скрикнȣлъ пробȣдившїй сѧ Корнелій продрȣхȣючись и протераючи очи, на сторожа очищаючого чоботы.

— Ей паньцю! мабȣдь вже осьма небавко оударитъ, ȏтказалъ опвѣстивши щȏткȣ Ѩцентїй.

— А господинъ Стȣльскій чи ȏтишолъ вже?

— Ще предъ семовъ собралъ сѧ и почесалъ до мѣста.

— Тожъ ѩ проспалъ! и чомȣжъ вы мене не пробȣдили?

— Пробȣдити? охъ паньцю! по третȏй поклали-сте сѧ спати, а оуснȣлисте, щобы и коломъ васъ не добȣдилъ сѧ.

Панъ Корнелій не промовилъ на тое анѣ слова; вискочилъ зъ постелѣ ѩкъ бы зъ окропȣ, приодѣлъ сѧ наночникомъ (шлафрокомъ), и блȣднымъ окомъ споглѧнȣлъ до окола себе. Позрѣвши на столикъ, мимохȏть розпростертый листъ задержалъ его несопокойный глипъ; съ жаждою похопилъ за письмо, и сталъ читати. Содержанье письма того бȣло слѣдȣюче:

Любезный мȏй сынȣ!

Два тиждѣ неминȣло, за ѩкъ пȏслалъ емъ тобѣ 100 з. р., а вжежъ въ послѣднȏмъ твоемъ листѣ, по вторый разъ того самого допоминаешъ сѧ. Не знаю що за причина могла бы бȣти, требȣюча такъ великихъ видаткȏвъ, перемагаючихъ весь спратокъ мого дотеперѣшного маєткȣ. Горе стискае сердце менѣ старомȣ, и лȣчше бы заперти очи на вѣки, нѣжъ чȣти ȏтъ людій, же сынъ мȏй, моѧ кровъ, длѧ которого не жалѣю овочей моихъ трȣдȏвъ, моей жȣрбы, же ȏнъ — той мȏй милый сынъ — зїйшолъ на гȏнтайство. Мȏй

сынꙋ! не моихъ грошей жаль менѣ, не моей такъ марно розминаючой сѧ працѣ, но менѣ жаль тебе, твоихъ оударованій,— твого оуспособленѧ. Пишешъ, же дорожнѧ вô Львовѣ, и же нѣѧкимъ свѣтомъ жити можъ зъ платы, ѩкꙋю побераешъ? правда! комꙋ на оденъ вечеръ на гôнтайство сотки потреба, томꙋ не довершатъ и мѣліоны. Ты знаешъ, ѩ маю доволѣ комꙋ давати кромъ тебе. Не довго здѣлаю ѩ справлѧти ошибки твôи, а грижꙋ, ѩкою огôрчаешъ злишкꙋ вѣка мого, не въ силѣ есьмъ поносити черезъ часъ довшій. Доволѣ старалъ емъ сѧ на тебе, а часъ щобы погадалъ есь самъ о собѣ. Послѣденъ разъ посилаю тобѣ пожилани̂ грошѣ: памѧтай! розмарнꙋешъ и тіи, то дрꙋлишъ за скора въ грôбъ любѧчого тѧ ôтца. — Онѣферъ Терехтарскій,

....зъ Вибранôвки.

Таке то письмо читалъ Корнелій, а ѩкꙋю вразню оно на нêмъ здѣлало, зъ лица можъ бꙋло спôзнати. Не въ кꙋсъ припадае читати такіи письма, а ще длѧ молодого человѣка, ведлѧ обиліѧ средствъ матеріальныхъ не навиклого розгадꙋвати самъ надъ собою. Поразительно докинꙋла сѧ смисль письма того, его похôпного сердцѧ: доселѣ не читалъ ще подôбныхъ листôвъ. Мовъ передъ сꙋдомъ Божимъ стоѧлъ ôнъ, опꙋстивши головꙋ, черни̂ а жаркіи очи вклѣпилъ въ однꙋ безцѣльнꙋ мѣрꙋ, рꙋка повисла, письмо оупало на пôдлогꙋ а не приголомшена сила сꙋмлѣнѧ, обладѣла черты поблѣднѣлои твары. Чорное, кꙋчараве волосье, въ неладѣ спадало на отверте чело, а оуста сложились, мовъ по спорôй чашцѣ гôркой шꙋмôвки. Бꙋла то хвилѧ длѧ него, въ котрôй весь свѣтъ емꙋ змерзилъ сѧ, а слибы прийшло розійти сѧ, плюнꙋлъ и оминꙋлъ бы сѧ съ семъ свѣтомъ. И не долго болѣлъ ôнъ! перейшла жꙋра, минꙋлъ сѧ смꙋтокъ мовъ тꙋчнаѧ хмара, бо ѩкъ швидка бꙋла вразнѧ, такъ и швидко въ дꙋши его оучинило сѧ мирно. Спала рѣсна навальна злива, а по тôй зливѣ прибрало сѧ бôлше хопты нѣжъ въ попередъ бꙋло. Корнелій рѣшилъ сѧ сей часъ повернꙋти на правꙋ дорогꙋ, и годѣ. Оударила осьма годинна. Корнелій опамѧталъ сѧ, зôтхнꙋлъ, съ розвеселенымъ лицемъ пôднѧлъ письмо зъ пôдлоги; сложилъ, и поклалъ въ столикъ до засꙋвы меже оукрашени̂ листики енчого родꙋ.

„Шкода! жемъ непеперечиталъ листъ той ще въ чера, а такъ — пôйшли мои сто золотыхъ риньскихъ, та и не вернꙋтъ сѧ подꙋмалъ собѣ Корнелій. Махнꙋвши рꙋкою и давши спôзнати, же ôтъ теперъ онакше бꙋде, началъ оумиватисѧ.

Корнелій то хорошій хлопакъ, крꙋглыхъ лиць, короткого затонченого носа, сорозмѣрнои составы, тонкій и складный, що и въ найпершôмъ сальонѣ зналъ ѩкъ кꙋда сѣсти. Бꙋлъ то человѣкъ не полехихъ оударованій що до дꙋха. Любилъ читати, прислꙋховати сѧ всѣлѧкомꙋ, а лежъ не переймилъ, и не переробилъ жадного мнѣніѧ къ собѣ, но ѩкъ не оденъ спомеже теперѣшныхъ молодикôвъ, гꙋлѧлъ безжꙋрно скоро лишъ ôтбꙋлъ мовъ паньщинꙋ свою щоденнꙋ писанинꙋ. Окôнчивши правничіи наꙋки, хотѣлъ здѣлати зъ себе адвоката, а чи бꙋлъ истинно оуспособленый? незнати бо, не лишилъ письма по собѣ.

— Ей Ѩцентый! тожъ то звась розтолоченый быхоть! чомꙋ ви мене не пробꙋдили?

— Етъ! отъ! вихоть не вихоть! васъ и патикомъ не добꙋдилъ бысь, ôтказалъ

спльовкнȣвши Ꙗцентій, поклалъ чобôтъ, и почалъ гладити довгŷ ꙗкъ батоги оуса.

— Ꙗцентій! се не жартъ коли ви покрȣчȣете оуса. Єй часъ бы вже часъ, запродати ихъ на щôткȣ, тожъ бы бȣло чимъ и покôй замести, и —

— Най те но оуса! а послȣхайте що вамъ газдинѧ правитъ.

— Газдинѧ? правда! днесь першого маѧ.

— Такой першого маѧ. Се вже хвалабȣ по третый разъ першій, а она ще ôтъ васъ анѣ шелюга не взѧла, бȣлькотѣлъ скрôзь зȣбы Ꙗцентій, ôткасȣючи полы замащеной кожȣшины,

— Єй ка! кобъ то она такъ обѣлити казала, ꙗкъ о грошѣ допоминати сѧ знае.

— Чи обѣлити, чи заплатити, вжежъ въ тôмъ не Ꙗцентого справа; ꙗ въ тое не вхожȣ, досить она говорила, а ꙗ перехазȣю.

— Добре! хорошо мôй старый Ꙗцентій! нехай тамъ баба торонитъ свое, мы свое знаемъ — неправдажъ?

— Ꙗ правда! истинна правда! ôтповѣлъ покашлȣючи Ꙗцентій.

— Человѣкъ меже бабами и за . . . бысь, що нѣтъ?

— Такой такъ! скинȣвши головою озвалъ сѧ Ꙗцентій.

— Вжежъ то не першина менѣ съ бабами! кобы намъ Бôгъ допомôгъ то мы чей непропадемъ; чи такъ Ꙗцентій.

— Такъ! на мои старŷ кости! ще ꙗкъ бымъ випилъ чашкȣ шȣмôвки, не постигли бы менѣ и два швадроны бабôвъ зайти гладкой дороги. Паничȣ! сесю ось старȣ вѣдьмȣ, то нѣ человѣкъ переговоритъ нѣ млинъ перепитлюе? Вжежъ то не дȣрно ей далъ Господь короткій розȣмъ а ꙗзикъ довгій!

— Богдай васъ Ꙗцентій! тожъ и не жаль съ вами побесѣдити.

— Єй паньцю! бесѣдилобы сѧ и вôльше, кобы —

Тȣ повернȣлсѧ до дверій, и хотѣлъ выйти, оупоравшись со всемъ що лишъ до него принадлежало.

Корнелій отъ що лишъ закôнчилъ фризȣрȣ волосѧ, а збачивши Ꙗцентого на ôтходѣ, поскочилъ до столика, и скрикнȣлъ

— Го! го! не квапте сѧ Ꙗцентій! днесь першого, а ви бы зголарȣчъ ôтишли ôтъ мене?

Ꙗцентій станȣлъ оу порога, нащȣрилъ оуха, щось нѣбы поцюкȣвалъ сѧ, и сталъ гойдати сѧ, то къ право, то въ лѣво. Корнелій добȣлъ съ помеже книжокъ пȣлѧресъ, выймилъ послѣдный оставшій сѧ риньскій, и врȣчилъ Ꙗцентомȣ.

Чесный сторожъ нехотѣлъ на разѣ прыймити грошей, даючи срозȣмѣти, чи не лȣчше бȣло бы дати за ныхъ чобôтки пôдшити? но Корнелій давалъ, а Ꙗцентого справа взѧти.

Съ оудоволъствомъ заховȣючи банкнота въ занѣдро, озвалъ сѧ сторожъ:

— Паничȣ! вжежъ ꙗ не зъ одной печи ѣлъ кȣсень хлѣба; бȣвалъ по дворахъ, и по мѣстахъ, и по мѣстечкахъ, навидалъ сѧ и начȣвалъ сѧ не мало: ꙗ вамъ раджȣ, не приставайте съ тымъ паномъ Стȣльскимъ; мара знае съ кимъ, и кȣда ôнъ тамъ ходитъ! емȣ щось недоброго пахне зъ очей, и зъ носа.

— Що? Стȣльскій? отъ дайте мȣ покôй Ꙗцентій! ôнъ такъ человѣкъ, ꙗкъ и кождый.

— Го! го! вѣрте но емȣ вѣрте! Стȣльскій такій человѣкъ ꙗкъ кождый, но не кождый такій человѣкъ ꙗкъ Стȣль-

скій. А чули ви що сказалъ ксендзъ до Ивана? Иване! оу тебе слово ангельске, а сердце песье.

Корнелій за реготалъ ся, а Іацентій сталъ правити дальше:

— Іацентій хоть не писменый, тожъ и неперечченый, а доти ничо не скаже, доколь не домацае ся правды, истинноѝ правды, якъ слепый пирога. Паньцю! вжежъ ви не научите Іацентого розуму! що онъ знае, того васъ книжка не научитъ; а верте ми! колись спомнете мое слово: Стульскій то гонтай якихъ теперка не мало на светѣ, зведе васъ на беду!

Корнелій загадалъ ся.

Іацентый стоялъ погладуючи оуса, и спозиралъ милосерднымъ окомъ на обманеного паничика. Була то душа хотяй проста, то щира и не подурна. На лици его отчинали ся: отвертость, доведчене а кто бы ему лишъ на чело подивилъ ся, присягъ бы, же воювалъ въ Наполеоньскихъ борбахъ. За молодыхъ летъ служилъ оу войску, а на старость маючи зверхъ шестьдесять летъ, якъ могъ такъ стагалъ ся, на скудный кусень хлеба.

Корнелій любылъ беседити съ Іацентымъ, бо подавалъ много на старого Федька Фермана, що то го не разъ малымъ прикозилъ и откозилъ домовъ, та до школы. Алежъ панича тяжко приконати; не доверовалъ, ажъ поколь не приконае го истинна правда.

— Іацентый! а ведома вамъ тота каменеця нарожна, за якъ зъ ринку на доменеканьску оулицю звертаесь?

— Охъ паньцю! хоть бы и очи завязалъ ми.

— Ну! то занесетъ ось сее пуделко, на першій поверхъ до пана Мальчиньского, поклонетеся красненько отъ мене, и просетъ, що бы благоволили прыймити; чи розумеете?

— Розумею! отповелъ сторожъ напростовавшись мовъ жолнаръ, взялъ зъ пуделко и поволекъ ся.

Корнелій оубралъ ся якъ найстараннейше. Призираючись то въ задъ то въ передъ передъ зеркаломъ, немогъ надивитися доволе, нагладити ся волося. Посвистуючи прискочилъ до скринчины, добулъ чорноѝ фрачины, и сталъ скапно отерати ю щотковъ. Небавко, а станулъ совершено оустроеный, мовъ лялька, що спогляну вши на него вповелъ бысь; паничу! не рука зъ тебе дитина, но истинный журналь француский!

Корнелій занялъ ся со всемъ своею поверхностію, наодевши пальето, взялъ закапелюхъ, за тростинову палицю, назулъ рукавицѣ, и пойшолъ якъ бы неболъ, замкнувши ключомъ за собою двере П. сл.

ВСЯЧИНА.

Недавно тому 1855 року выйшли зъ книгопичатне Института Ставропигіаньского слѣдуючи сочиненія, спродаваемы въ книжной лавцѣ:

„Надгробнія Святыя Проповеды на всяки случай и приключенности смерти; сочинилъ Стефанъ Мустяновичъ, Парохъ и намѣстникъ во Пилипцѣ. 1 злр. 20 кр.

Проповѣди на церковная торжества и нѣкія околичности, сочиненіе тогожъ самого. 40 кр. ср.

Наука о пчеловодствѣ изложена по методу Дѣржона, Янши, и инныхъ славнѣйшихъ пасѣчниковъ съ особеннымъ уваженіемъ на Галицко-руское Господарство и собственными замѣчаніями, изяснена Львомъ Трещаковскимъ, парохомъ гр. каѳ. изъ Рудна: членомъ дѣйств ц. к. Галицкого агрономического Общества въ Львовѣ. Письмо тое напичатане накладомъ Галицко-рускои Матицы въ Львовѣ.

Накладомъ М. Дзѣковского Тυпомъ Института Ставропигіяньского. Редакторъ Николай Савчиньскій.